

Марк СОЛОНИН

ПОСЛЕ ХОРОШЕЙ ВОЙНЫ

Секретные материалы Великой Отечественной

Марк Солонин

После хорошей войны

«Яуза»

2023

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)622

Солонин М. С.

После хорошей войны / М. С. Солонин — «Яуза»,
2023 — (Секретные материалы Великой Отечественной)

ISBN 978-5-9955-1121-2

Новая книга Марка Солонина о причинах начала и событиях Второй мировой войны. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)622

ISBN 978-5-9955-1121-2

© Солонин М. С., 2023
© Яуза, 2023

Содержание

Провалил все, что можно было провалить	6
Просто кино	11
Первое поражение Гитлера	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Марк Солонин

После хорошей войны

© Солонин М.С., 2023

© ООО «Яуза-пресс», 2023

* * *

Провалил все, что можно было провалить

Мы говорим: «Сталин», подразумеваем – «Победа»; мы говорим: «Победа», подразумеваем – «Сталин». Увы, это не преувеличение. Однажды я имел неосторожность оказаться участником ток-шоу на телеканале НТВ, приуроченного к очередному юбилею «великого вождя». Мнения участников, как и следовало ожидать, полярно разделились, но даже те, кто товарища Сталина изрядно недолюбливает, начинали со слов: «Да, конечно, имя Сталина неразрывно связано с нашей Великой Победой...»

О подлинной государственной мудрости

Что можно против этого возразить? Ничего. Так же, как из разложенных на столе узлов автомата Калашникова нельзя собрать ничего другого, кроме автомата. В рамках той логики, той картины мира, в которой 22 июня 1941 года произошло некое стихийное бедствие – вроде разрушительного землетрясения или падения Тунгусского метеорита, – а в результате созданных этим стихийным бедствием обстоятельств непреодолимой силы армия иноземных захватчиков внезапно оказалась у берегов Волхова, Волги и Терека, товарищ Сталин предстает подлинным спасителем Отечества. Лепет по поводу «цены победы» выглядит на этом фоне воистину убогим и жалким. Дорого? Поражение обошлось бы дешевле?

Все меняется, если приложить некоторое интеллектуальное усилие и вспомнить о том, что история мира, Европы, России, СССР, да и история самой Второй мировой войны началась не 22 июня 1941 года, а гораздо раньше. И уж совсем ничего не остается от привычно повторяемых благоглупостей, стоит лишь задать себе простой вопрос: «А с каких это пор мудрость государственного руководителя стала измеряться умением изгнать неприятеля с родной земли?» С очень и очень большой натяжкой подобным образом можно обозначить задачу военачальника – впрочем, и устав, и здравый смысл подсказывают, что вооруженные силы должны предотвратить возможное вторжение и разгромить противника на его территории, отнюдь не допуская превращения собственной страны в сплошное пепелище.

«Война – плохой бизнес. Даже победитель должен понести столь огромные затраты до, во время и после войны, что становится намного дешевле достигнуть своих целей в мирное время». Не буду смущать читателя указанием автора этих слов, в любом случае с ними трудно не согласиться. Государство, правительство, политический лидер обязаны обеспечить безопасность страны, неприкосновенность ее границ, мир и спокойствие для своих граждан. В умении решить эту задачу мирными средствами, без стрельбы и пролития крови, как раз и проявляется подлинная государственная мудрость.

С таких позиций становится очевидным, что европейские лидеры 30-х годов – все без исключения, не один только Сталин – со своей первейшей обязанностью не справились. В этом смысле все они заслужили жирную двойку. Разница лишь в том, что никому в современной Франции или Англии не придет в голову объявить национальным героем Даладье или Чемберлена – эти имена стали символом национального позора. Впрочем, и двойки, и ошибки бывают разными, недопустимым лицемерием будет утверждение о том, что лидеры демократических стран Запада и Сталин несут равную ответственность за возникновение общеевропейской (а затем и мировой) войны.

Даладье и Чемберлен стремились сохранить мир в Европе. В сентябре 1938 года в Мюнхене они предприняли глупую (потому как уступки только разжигали аппетит Гитлера), трусливую (обладая значительной военной мощью, они могли диктовать свои условия, а не соглашаться на наглые требования нацистов) и подлую (расплачиваться они собирались терри-

торией и безопасностью Чехословакии) попытку предотвратить возникновение войны. Менее чем через год их глупость и трусость были «вознаграждены» по достоинству. «Ошибки» (в данном случае кавычки будут вполне уместны) Сталина были совершенно другого свойства. Строго говоря, Сталин-то как раз добился своего – он всеми силами стремился к войне, подталкивал ее, как только мог, и большая война в Европе разгорелась.

Миф о «вражеском окружении»

Известный психологический феномен заключается в том, что событие произошедшее начинает восприниматься как единственно возможное. Мы знаем, что Вторая мировая война состоялась, это знание чрезвычайно мешает в понимании того, что на рубеже 20–30-х годов такая война могла показаться чем-то совершенно невозможным. Кому и с кем было воевать? Кто, в частности, мог угрожать Советскому Союзу?

В центре Европы находилась разоренная войной и поражением Германия, по условиям Версальского договора ей запрещалось иметь военную авиацию, танки, тяжелую артиллерию, подводный флот. Количество соединений в сухопутных войсках было ограничено 10 дивизиями (по численности личного состава скорее соответствующими тому, что называется «пехотная бригада»), на вооружении которых не могло быть артиллерии калибра более 105 мм. Даже число снарядов на одно орудие ограничивалось 1000 выстрелов. Такая «армия» была способна решать лишь задачи подавления внутренних беспорядков, в войне же с внешним противником ей бы пришлось капитулировать через 10–15 дней хотя бы по причине полного израсходования боеприпасов.

К западу от Германии (то есть еще дальше от СССР) находилась тяжело травмированная психологически Франция. Огромные жертвы, понесенные французской армией в годы Первой мировой войны, сформировали в обществе стойкие пацифистские настроения («никогда больше»), военный бюджет страны тратился главным образом на сооружение «великой французской стены» (цепи укрепрайонов линии Мажино). Военная стратегия Великобритании по-прежнему основывалась на идее использования «удавки» морской блокады. Применительно к Германии, которая импортировала продовольствие, половину потребляемой железной руды, почти всю нефть и руду цветных металлов, это был действенный инструмент давления, для Советского Союза с его колоссальными сырьевыми ресурсами заморский импорт никогда не был критичным.

Непосредственными соседями СССР на западе были четыре государства: Эстония, Латвия, Польша, Румыния. Единственным заслуживающим упоминания потенциальным военным противником могла считаться лишь новоявленная Вторая Речь Посполитая. Впрочем, армия этой страны, в пять раз уступавшей Советскому Союзу по численности населения, раздираемой острым межнациональным конфликтом, уже к середине 30-х годов безнадежно уступала по своему военному потенциалу Красной Армии.

Вот такая в реальности сложилась ситуация с «вражеским окружением» и «бряцающим оружием международным империализмом». Легко ли было в подобной обстановке разжечь пожар европейской войны? Но большевики и не искали легких путей...

Секрет Полишинеля

В 1932 году (Гитлер тогда еще только кричал на митингах) начальник Главного штаба Красной Армии, будущий маршал Александр Егоров подготовил доклад, в котором, кроме всего прочего, ставилась задача обеспечить развертывание советских ВВС в составе 32 тыс. самолетов, в том числе 8 тыс. тяжелых и 9,5 тыс. легких бомбардировщиков. Это для чего? Для обороны от гипотетически возможной коалиции Франции, Польши и Румынии, на воору-

жении которых в тот момент не было и одной двадцатой от такого феерического парка бомбардировщиков? В то время, когда «французские империалисты» зарывали военный бюджет в подземные бетонные казематы, а германский рейхсвер проводил полевые учения с фанерными макетами танков, в советских штабах разрабатывалась теория «глубокой наступательной операции». И не только теория, создавался соответствующий этой задаче инструмент – колоссальные по численности танковые войска.

Уже в 1932 году было принято наставление «Вхождение в бой самостоятельных механизированных соединений», а к концу 1935-го в составе РККА насчитывалось 4 мехкорпуса и 18 отдельных танковых бригад. В следующем, 1936-м, количество танковых бригад выросло до 30. И вооружались они, разумеется, не фанерными макетами. По состоянию на 1 января 1934 года советский танковый парк составлял 7574 машины. Три года спустя, к 1 января 1937-го, мирный созидательный труд советского народа увеличил количество танков в Красной Армии до 17 280 единиц. Даже после того как ведущие европейские державы опомнились от «пацифистской спячки», летом 1939-го Красная Армия по числу танков (и это не считая пулеметные танкетки Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) в два раза превосходила армии Германии, Франции и Англии вместе взятые.

Строго говоря, уже одни эти грандиозные военные приготовления СССР становились фактором, опасно дестабилизирующим обстановку в Европе. И если бы только одни эти... Судороги военного психоза, отчетливо видимые даже с дальнего расстояния, сотрясали Страну Советов. Никаких «плащей и кинжалов», никаких «секретных пакетов» не требовалось правительствам Запада для того, чтобы услышать слова бодрой красноармейской песни: «Мы зажигаем пожар мировой, / Церкви и тюрьмы сровняем с землей». В обычных газетных киосках продавался журнал «Красная новь» (№ 1, 1921), в котором будущий председатель Реввоенсовета СССР Михаил Фрунзе писал: «Границы возможного грядущего фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света». На весь мир с трибуны Мавзолея нарком обороны СССР Климент Ворошилов заявил: «Советский народ не только умеет, но и, можно сказать, любит воевать». За несколько десятков копеек любой шпион мог купить билет в кино и наслаждаться просмотром советского фильма «Великий гражданин», главный герой которого (его прообразом был Сергей Киров) говорит: «Лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз республик эдак из тридцати, сорока...» И уж совсем бесплатно каждый мог разглядывать советский герб, в изображении которого серп и молот накрывали весь земной шар.

Ничуть не скрываясь, наоборот – громко заявляя о том, что «всемирный пролетарский штаб находится в Москве», работал Коминтерн, компартии, действующие во многих странах Европы вполне легально, откровенно называли себя «секциями» этой наднациональной организации. Наконец, неподдельный страх вызывали у западного обывателя приходившие с востока слухи о массовых внесудебных репрессиях, концлагерях, голодоморе, расстрелах и пытках. Нет, конечно, поверить в реальность подобных ужасов серьезные положительные люди (особенно из числа так называемой прогрессивной интеллигенции) не могли, но определенное настроение эти «слухи» создавали. То самое настроение, в силу которого ведущие политические лидеры Запада замечались в западне между почти физическим отвращением к Гитлеру и нацистам с одной стороны и желанием создать хоть какой-то барьер на пути неотвратимого наступления Сталина – с другой.

Гениальный манипулятор

Можно и нужно обсуждать вопрос о том, в какой мере директивы Коминтерна (то есть приказы Сталина), нацелившие немецкую компартию на борьбу против социал-демократов, проложили Гитлеру дорогу к власти. Очень много неясного остается в истории «миссии Кан-

делаки», то есть предпринятой в 1936 – начале 1937 года первой попытки заключить политический союз с нацистской Германией, отнюдь не однозначной была и позиция Москвы в период «мюнхенского кризиса» осенью 1938 года. В любом случае, независимо от того, в какой именно момент истории Сталин сделал окончательную ставку на Гитлера, «кремлевский горец» вполне оценил возможности, открывшиеся после того, как абсолютную власть в Германии захватил агрессивный параноик. Оценил и использовал сполна.

О событиях лета 1939-го написано и сказано уже очень много (благо и прошлый год был «юбилейным»). Конечный вывод сомнений не вызывает – трудно найти в долгой политической биографии Сталина пример другого столь же масштабного, быстрого и ошеломляющего успеха. Одним коротким ударом Сталин перемешал все фигуры на общеевропейском поле и оставил англо-французский блок (руководители которого к тому моменту уже успели дать Польше официальные гарантии военной помощи!) один на один с берлинским диктатором. «Совсем неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались...» – такими словами 7 сентября 1939 года, через неделю после начала долгожданной европейской войны, товарищ Сталин разъяснял задачи момента лидеру Коминтерна Георгию Димитрову.

Никита Хрущев пишет в своих мемуарах: «Он буквально ходил гоголем, задравши нос, и буквально говорил: “Надул Гитлера! Надул Гитлера!”» Увы, грандиозный успех вскружил голову товарищу Сталину. И уже с осени 39-го он начинает совершать одну ошибку за другой.

А за ошибки ответил народ

Развязанная «великим вождем» едва ли не из одного только упрямства («Пора обуздать ничтожную блоху, которая прыгает и кривляется у наших границ», как писала в те дни газета «Правда») «маленькая победоносная война» с Финляндией привела к тяжелейшему политическому поражению. Советский Союз был исключен из Лиги Наций, президент США Рузвельт распространил на СССР действие так называемого морального эмбарго (запрет на продажу авиационной техники и технологий странам-агрессорам). Взаимоотношения с будущими союзниками по антигитлеровской коалиции Сталин умудрился довести до такой точки кипения, когда в англо-французских штабах рассматривались планы бомбовых ударов по нефтепромыслам Баку, а злосчастную Зимнюю войну пришлось остановить в тот момент, когда первый эшелон направляемого на помощь финнам экспедиционного корпуса союзников уже грузился на корабли.

Дальше – больше (то есть гораздо хуже). В июне 40-го, вместо того чтобы спасти остатки французского фронта от окончательного краха, Сталин занялся мелким мародерством в Прибалтике и Бессарабии (падение Парижа и предъявление советского ультиматума правительству Литвы произошли в один и тот же день – 14 июня). Сталинское руководство оказалось совершенно неспособным оценить и должным образом отреагировать на радикальное изменение военно-политической ситуации, произошедшее летом 1940 года. Западный (по отношению к Германии) фронт, тот самый Второй фронт в Европе, об открытии которого Сталину предстоит в дальнейшем долго упрашивать союзников, был потерян безо всякого противодействия со стороны СССР. Более того – потерян с восторгом! Беседуя 13 июня 1940 года с послом фашистской Италии Россо, глава советского правительства Вячеслав Молотов заявил: «После серьезных ударов, полученных Англией и Францией, не только их сила, но и престиж упал, и господство этих стран идет к концу. Следует полагать, что голоса Германии и Италии, а также и Советского Союза будут более слышны, чем хотя бы год назад».

К роковому июню 1941 года Сталин привел страну в состояние полной международной изоляции (единственным союзником могла считаться Монголия). При попустительстве

(если не при прямой поддержке) со стороны СССР Гитлер смог установить контроль над промышленными и сырьевыми ресурсами большей части континентальной Европы и развернуть сухопутную армию в составе более 200 дивизий. Маленькая, но не добитая до конца Финляндия благодаря поставкам вооружения из Германии и огромному, никем из участников мировой войны не превзойденному мобилизационному напряжению смогла сформировать 16 дивизий, которые позднее нанесли сокрушительное поражение войскам Красной Армии и замкнули с севера кольцо сухопутной блокады Ленинграда.

Отношения с единственной реально воюющей против Германии страной (Англией) были доведены до такого состояния, что посол Криппс несколько месяцев безуспешно добивался встречи с наркомом иностранных дел СССР. Убедившись в тщетности своих попыток, он через Вышинского (на тот момент – заместителя Молотова по НКВД) передал 18 апреля 1941 года письменное заявление, в котором, в частности, было сказано: «Правительство Великобритании все еще видит себя вынужденным рассматривать Советский Союз в качестве главного источника снабжения Германии... В свете изложенных выше соображений у меня есть желание спросить, заинтересовано ли ныне советское правительство в проведении в жизнь немедленного улучшения его политических и экономических отношений с правительством Великобритании или же, наоборот, советское правительство удовлетворится тем, чтобы эти отношения сохранили свой теперешний, вполне отрицательный характер...»

Первый ответ на свой вопрос Криппс получил немедленно («По вопросу о неприкосновенности и безопасности СССР я сказал Криппсу, что об этом позаботится сам СССР, без помощи советчиков»). После этого с послом Великобритании в Москве вообще перестали разговаривать. 6 июня Криппс был отозван в Лондон «для консультаций с правительством» – на дипломатическом языке это означает последнюю ступень перед разрывом отношений. На момент 22 июня 1941 года в советской столице вовсе не было английского посла (!), а Его Величество короля Георга VI представлял секретарь посольства Баггалеи в ранге «временного поверенного в делах».

Провалив все, что только можно было провалить, политический банкрот Сталин довел ситуацию до того, что спасти страну должна была армия. И вот тут-то его ждала самая страшная неожиданность: оказалось, что огромные горы накопленного за десять лет оружия сами по себе являются лишь мертвым металлом, что насмерть запуганные в 37-м году красные генералы профессионально непригодны, что далеко не все красноармейцы благодарны товарищу Сталину за счастливое колхозное детство. Много чего еще пришлось узнать и понять к тому моменту, когда фронт откатился от Бреста до Москвы и Тихвина.

Очень может быть, что никто иной, кроме Сталина, не смог бы заставить воевать эту разваливающуюся на глазах армию. Очень может быть, что никаких других методов, кроме беспощадных массовых расстрелов, заградотрядов, репрессий против родственников сдавшихся в плен командиров, уже не оставалось. Штангенциркуль, которым можно измерить «что было бы, если бы...», еще никто не придумал. Поэтому я готов немедленно, без спора согласиться – да, никто, кроме Великого Сталина, не смог бы вытащить страну из той ямы, в которую он же ее и загнал.

Просто кино

К сожалению, в предисловии к аннотированному каталогу советских фильмов 1961 года выпуска мне не удалось найти внятный ответ на вопрос о том, когда именно были написаны аннотации к фильмам: в момент их выхода на экраны страны или значительно позднее, при формировании каталога? Другими словами – до или после того, как «Отец народов» был объявлен «не отцом, а сукою».

Судя по тому, как авторы аннотаций гневно обличают и беспощадно бичуют подлую банду троцкистско-бухаринских убийц (примерно треть всех фильмов 1936–1940 годов выпуска посвящена «теме воспитания бдительности советских людей»), все это писалось еще при живом вожде; с другой стороны, в нескольких местах появляются горестные вздохи о «влиянии обстановки культ личности». Как бы то ни было, на интересующую меня тему (морально-психологическая подготовка народонаселения к будущей войне) эти нюансы могли повлиять лишь в самой малой степени – хоть до XX съезда КПСС, хоть после него никаких сомнений в неизменной правоте и единственной верности внешней политики партии и советского правительства публично не высказывалось.

От пессимизма к оптимизму

Самым первым из найденных мной оказался фильм «Возможно, завтра» («Украинфильм», Киев, 1932 год). Про что кино? «О готовности советского народа отразить нападение любого врага».

Название-то бодрое, а содержание весьма мрачное. Да и о какой «готовности» можно было говорить в тот момент? На конец 1932 года в Красной Армии числилось всего лишь два механизированных корпуса, пять механизированных бригад, 14 отдельных танковых и механизированных полков, 15 отдельных танковых батальонов, 69 механизированных и танкетных дивизионов. Чем тут отражать нападение кровожадных польских панов?

Может быть, поэтому никаких «панов» в кино и нет вовсе: «Фашисты (так в тексте аннотации, в реальной истории фашисты у власти в 1932-м были разве что в Италии, с которой СССР поддерживал разнообразные дружеские связи. – М.С.) развязывают войну против Советского Союза. Нападение врага прерывает мирный труд советских людей. Сотни ударников производства вступают в Красную Армию. На фронт уходят красноармейские части, колонны танков, отряды народного ополчения. Над советским городом появляются самолеты врага, вздымаются черные разрывы бомб. По улицам движутся скорбные похоронные процессии первых жертв войны. В конце фильма на экране появляется рабочий, обращающийся к зрителям с призывом быть готовым к войне, которая еще не наступила, но, возможно, завтра наступит».

Фильм, можно сказать, пророческий: одно только упоминание о «народном ополчении» чего стоит! Создатели ленты ошиблись лишь в одном – в реальном завтра никаких «скорбных похоронных процессий» не будет, не для всех жертв войны найдется даже место в так называемом санитарном захоронении, позднее названном поэтами «братская могила»...

1933, 1934, 1935 годы... Гитлер приходит к власти, Германия – сначала тайно, а затем уже и открыто – отказывается соблюдать ограничения, наложенные на нее по условиям Версальского договора, и начинает бешеным темпом вооружаться. Однако ни одного фильма на военно-патриотическую тематику за эти три года на советские экраны не выходит (по крайней мере, их нет в каталоге). Похоже на то, что в Кремле глубоко и надолго задумались.

29 апреля 1936 года на экраны страны выходит фильм «Родина зовет» («Мосфильм», режиссеры – К. Крумин и А. Мачерет). Главная идея картины сформулирована авторами анно-

тации практически в тех же словах, что и четыре года назад: «О готовности советских людей по первому зову Родины встать на ее защиту от фашистских агрессоров». Идея старая, а вот ее художественное воплощение совсем новое: на удар вражеских бомбардировщиков Родина отвечает уже не одними только «скорбными похоронными процессиями».

«Вероломное нападение предпринято с очевидной целью – посеять среди советских людей панику (что-нибудь всерьез сломать и разрушить врагу не по зубам, только напугать. – М.С.). Но враг просчитался. Весть о фашистской агрессии наполняет гневом сердца. Как призыв к борьбе звучит «Интернационал». Рабочие спешат в цеха заводов, комсомольцы – на сборный пункт, пионеры – на внеочередной слет (вот уж он-то нагонит панику на врага. – М.С.). Партийный комитет (вы думаете – уходит в полном составе на фронт? Не угадали. – М.С.) назначает экстренное заседание... Объятые пламенем, врезаются в землю фашистские бомбовозы. Медленно оплывает фашистская свастика на горящем хвосте самолета».

На земле, в небесах и на море...

Оставшиеся 8 месяцев 1936 года и весь 1937 год не приносят советским людям ни одного нового фильма про скорую победу в будущей войне. И это притом, что вполне реальная война с фашистами, причем с участием советских летчиков и танкистов, полыхает на истерзанной земле Испании.

Заканчивается страшный 37-й, начинается не менее кровавый 38-й год. 23 февраля, в так называемый День создания Красной Армии, на экраны выходят сразу два фильма: «Если завтра война», ставший легендой (в огромной степени благодаря песне братьев Покрасс на слова Василия Лебедева-Кумача, «Мосфильм», режиссер Ефим Дзиган) и «Глубокий рейд», оставшийся в тени своего знаменитого ровесника («Мостехфильм», режиссер Петр Малахов).

«Фашисты объявляют войну» – вот на такой, удивительной по своему оптимизму и наивности ноте начинается аннотация к фильму Дзигана. «На защиту социалистического отечества поднимается весь советский народ – от мала до велика. Идет запись добровольцев на предприятия. Под боевые знамена становятся миллионы патриотов... Получен приказ: прорвать фронт противника и разгромить врага на его собственной территории... Начинается генеральное сражение. Танки, преодолевая заграждения фашистов, давят их орудия. С возгласами «За советскую Родину!», с мощным «Ура!» наши бойцы устремляются в атаку...»

Перед «генеральным сражением», как в былинные времена Куликовской битвы, перед воинством выступает Главный Полководец, в данном случае – нарком обороны Клим Ворошилов, и произносит он такие слова: «От имени нашего Рабоче-Крестьянского Правительства Союза приветствую вас и передаю от них братский, пламенный привет. Товарищи, Рабоче-Крестьянская Красная Армия – это только передовой отряд нашего доблестного народа. Он первый должен принять удар на себя, но за нами стоят миллионы и миллионы нашего народа! Неоднократные наши заявления о том, что навязанная нам война будет происходить не на нашей Советской земле, а на территории тех, кто осмелится первый поднять меч. Это заявление остается постоянным, неизменным, оно в силе на сегодняшний день. Товарищи, эти наши слова были бы пустым потрясением эфира, если бы за ними не стояла действительная сила Рабоче-Крестьянской Красной Армии и нашего могущественного, великого Советского народа!»

Текст (я его цитирую по фонограмме) очень косноязычный, ключевая фраза («...война будет происходить... на территории тех, кто осмелится первый поднять меч») вообще неправильно построена – такое впечатление, что писал это сам Ворошилов. А вот знаменитая песня из фильма представляет собой уникальный образец того, как талантливый человек может перевести на язык поэзии... Полевой устав! «И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом» («п. 2. Войну мы будем вести наступательно, с самой решитель-

ной целью полного разгрома противника на его же территории; п. 23. Мощные удары Красной Армии должны вести к полному уничтожению врага и быстрому достижению решительной победы малой кровью»). «Полетит самолет, застрочит пулемет, / Загрохочут могучие танки, / И линкоры пойдут, и пехота пойдет, / И помчатся лихие тачанки» («п. 12. Современный бой ведется различными по своим свойствам родами войск и требует тщательной организации их совместных действий»).

События, описанные в фильме «Глубокий рейд», не столь масштабны – действующими лицами становятся всего лишь ТРИ эскадрильи (а не «миллионы патриотов»), но сокрушительно победоносны.

«Мирно протекает жизнь советского города... Неожиданно воздушные силы соседнего государства нападают на СССР... Советская авиация получает боевое задание. Три эскадрильи направляются в глубокий тыл вражеской страны... Воздушные силы противника разгромлены, его военная промышленность парализована (тремя эскадрильями. – М.С.). Советские наземные силы, используя успех авиации, прорывают фронт противника. Советские танки и конница наносят смертельный удар врагу».

1 декабря 1938 года на экраны вышел фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Тот самый, после которого два поколения советских людей пребывали в полной уверенности, что евангельская фраза (Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 51, 52) «взявший меч от меча и погибнет» принадлежит новгородскому князю, а содержащееся в ней предостережение относится только к врагам русской земли. В результате смиренный призыв к миролюбию и милосердию превратился в некий аналог «кто нас обидит – двух дней не проживет!».

Непосредственно к теме будущей войны это кино вроде бы отношения и не имеет, однако следует отметить его явную антигерманскую направленность и отнюдь не тривиальный для раннесоветской мифологии тезис о том, что «свой», русскоязычный феодал и эксплуататор (причем отнюдь не кроткого нрава!) лучше чужеземного рыцаря, который «пес» уже просто по определению...

К следующему Дню Красной Армии был выпущен очередной «оборонный» фильм «Танкисты» («Ленфильм», режиссеры З. Драпкин и Р. Майман, выход на экран – 21 февраля 1939 года). Нет, конечно, настоящие танкисты появились и навсегда остались в памяти народной благодаря двум гениальным песням («Три танкиста» и «Броня крепка, и танки наши быстры», музыка братьев Покрасс, стихи Бориса Ласкина) чуть позднее, 3 июля 1939 года, в фильме Ивана Пырьева «Трактористы» (Сталинская премия 1-й степени). «Танкисты» получились несравненно слабее, да и Лебедев-Кумач подкачал, не выдавив из себя ничего лучшего, чем трафаретное: «С небес самолеты, линкоры с морей, / С земли ураганный огонь батарей / И танков советских могучий отряд / Врага опрокинут и в прах обратят»... Но нас в данном случае интересуют не художественные достоинства формы, а суровая логика содержания, которое сформулировано авторами аннотации в суконной фразе: «О действиях советских танкистов в возможной боевой обстановке».

Действия и обстановка следующие:

«Советская граница. Внезапный налет вражеской авиации на город Красноармейск. Советская танковая группа получает задание перейти на территорию агрессора и разгромить его главные силы, сосредоточенные у города Энсбурга. Вражескими силами командует фон Бюллер, хитрый и расчетливый генерал... Советские танки форсируют реку и наносят удар по правому флангу неприятеля. Войска фон Бюллера разгромлены наголову...»

Еще раз напомним: фильм вышел на экраны страны в феврале 1939 года. На тот момент вдоль всей западной границы СССР (тогда это была граница с Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией) не было никаких «энсбургов», а среди военачальников Польши (единственной из вышеприведенного списка страны, которая хотя бы теоретически могла напасть на СССР) трудно было бы найти «генерала фон Бюллера». «Возможная боевая обстановка» оказа-

лась совершенно невозможной в реальной геополитической ситуации, что, однако, не помешало «Танкистам» пройти все виды цензур и получить доступ к зрителю.

Через несколько месяцев, 7 июня 1939 года, на афишах кинотеатров появляется «Эскадрилья № 5» (Киевская киностудия, режиссер Абрам Роом). «О будущей войне Советского Союза с фашистской Германией» – вот так, просто и без сантиментов, определяют его содержание авторы аннотации. Сразу же отмечу, что это последний из фильмов «о будущей войне», созданных до того, как Большая война пришла в Советский Союз. Да и этот фильм продержался на экранах недолго – после заключения пакта Молотова – Риббентропа его «положили на полку». На долгие-долгие годы.

Последний оказался и самым решительным – это первый фильм, в котором советское командование не пассивно ждет нападения врага, а само наносит сокрушительный первый удар: «Органами советской разведки перехвачен приказ высшего командования фашистской Германии о переходе советской границы. Подорвав на минных полях танки вторгнувшегося врага, наши войска переходят в наступление. На бомбежку фашистских аэродромов вылетают тысячи советских самолетов...»

Фашистские аэродромы уничтожены одним махом, да только враг стал более коварным и построил подземный аэродром! Вот с ним-то и расправляется героическая эскадрилья № 5...

Не надо бояться

После подписания Пакта творческий поток резко обмелел. Ни одной значительной новой ленты. В вышедшем на экраны 29 ноября 1939 года (акkurat за день до начала финской войны) фильме Киевской киностудии «Истребители» весь конфликт крутится вокруг достаточно заурядного «любовного треугольника», и ничем, кроме задумчивой песни Никиты Богословского («Любимый город может спать спокойно»), это кино не запомнилось.

В зале стало скучно: про разгром «генерала фон Бюллера» снимать было уже нельзя, антианглийских фильмов (что-нибудь вроде британского линкора, темной ночью крадущегося к советскому побережью) так и не появилось – факт отнюдь не тривиальный, принимая во внимание конкретное содержание оперативных планов армии и флота Страны Советов. Не успели? Не захотели бесповоротно «сжигать мосты»? Еще одна загадка истории...

Если попытаться выжать из всего вышеперечисленного некую логическую цепочку, то можно констатировать следующее. Выводя за рамки совсем уже допотопный (1932 год) и мрачный фильм «Возможно, завтра», общий настрой советского кино можно оценить как неизменно оптимистический. К войне надо готовиться, но ее не стоит бояться! «Наша воля крепка и врагу никогда...»

Да и на большее, чем мелкие пакости тактического масштаба (под покровом ночной тьмы и тумана перейти границу у реки), киношные «самураи» неспособны. Как голодные волки, враги оставляют следы у границ СССР, но пересечь эту границу удастся лишь авиации, да и то один первый раз. Напротив, мощь и масштаб ударов Красной Армии от фильма к фильму нарастают – от трех эскадрилий до тысяч самолетов, от внеочередного пионерского слета до мобилизации многомиллионной армии («Если завтра война, / Всколыхнется страна / От Кронштадта до Владивостока»).

На фоне этой несокрушимой мощи нелепые потуги врагов (иногда прямо называемых «фашистами») нанести первый слабенький ударчик выглядят жалким фиговым листком, долженствующим хоть как-то прикрыть срам несоответствия твердо выраженного намерения воевать на чужой земле с поэтической строкой «чужой земли мы не хотим ни пяди».

Один маразм плюс две драмы

Ну это все фантазии, сны о триумфальном марше в будущей войне. А как отразились на советском экране войны реальные – испанская и финская?

Испанская, продолжавшаяся без малого три года, – почти никак. Слово «почти» я вынужден употребить потому, что в каталоге отмечен-таки фильм одесской «Первой комсомольской киностудии» (что это?) под выразительным названием «Педро». На короткометражный (35 минут экранного времени) фильм израсходовали всего-то 1003 метра пленки, но и ту жалко до слез.

Юный патриот Педро (мать погибла под бомбежкой, отец сражается в рядах республиканской армии) каким-то непостижимым образом оказывается в качестве поваренка на крейсере мятежников! «Педро решает взорвать его. Маленький патриот высыпает ведро (так в тексте аннотации, не ведро, а именно «ведерко». – М. С.) горящих углей в трюм, где хранятся снаряды». Это все взрывается, крейсер тонет, а наш пострел как ни в чем не бывало приплывает на берег, где встречается с отцом и его боевыми товарищами.

Этот киномаразм вышел на экраны 30 апреля 1938-го – до гибели Испанской республики оставалось уже меньше года...

Незнаменитая и страшно кровавая (127 тысяч человек только безвозвратных потерь) Зимняя война с Финляндией не нашла сколь-нибудь значительного отражения в советском кино. Вышло всего полтора фильма: короткометражная киноновелла «Гая» и полнометражная картина «Фронтовые подруги». И первая, и вторая сняты на «Ленфильме» и оптимизмом не блещут (может быть, это связано с тем, что Ленинград был слишком близко от зоны боевых действий, городские больницы были переполнены ранеными и обмороженными, и никакой грохот победных литавр скрыть эту трагическую действительность от жителей города не смог).

«Гая» (режиссер Надежда Кошеверова, 1940 год) – это рассказ про юную девушку, дочь скульптора. Отец ушел добровольцем на фронт да там и сгинул. В опустевшей мастерской осталась незаконченная скульптура красноармейца. Гая приходит туда по ночам и сама завершает работу, придавая изваянию черты своего отца. Скульптура выставлена на суд публики, критики в восторге, и тут, конечно же, появляется счастливо избежавший гибели и плена отец Гали.

«Фронтовые подруги» (режиссер Виктор Эйсымонт) вышли на экран 19 мая 1941 года. До Большой Войны оставался всего один месяц. В следующем, 1942 году фильм был удостоен Сталинской премии 2-й степени, и я могу предположить, что большинство зрителей и критиков даже не заметили, про какую именно войну снималось кино. По крайней мере, содержание «Фронтовых подруг» абсолютно контрастирует с бодро-слащавыми «Танкистами» и «Эскадрильями». Главная героиня – ленинградская комсомолка Наташа вместе с подругой записывается в добровольную сандружину и уходит на финский фронт. На фронте все совсем не по-детски: госпиталь бомбят самолеты врага (ни в реальности, ни в восприятии зрителей это не могла быть финская авиация), подруга Наташи гибнет, сама главная героиня узнает о гибели жениха, влюбляется в тяжело раненного разведчика, уходит на передовую, получает тяжелое ранение. В финале авторы все же пожалели девушку и вернули ей одного из мужчин живым и относительно здоровым. Такая вот не слишком веселая история...

Первое поражение Гитлера

В ночь с 14 на 15 ноября 1940 года немецкая авиация обрушила 450 тонн фугасных и зажигательных бомб на английский город Ковентри. В результате налета были разрушены двенадцать предприятий авиационно-промышленного комплекса, под руинами сгоревших зданий погибли сотни мирных жителей. Несомненный тактический успех люфтваффе не мог, однако, скрыть факт тяжелейшего поражения стратегического масштаба, которое осенью 1940 года потерпела Германия.

Летом 1940 года гитлеровская Германия находилась в зените славы и могущества. Череда бескровных (или, напротив, устрашающе-кровавых) побед Третьего рейха, начавшаяся с поглощения Австрии и оккупации Чехии, закончилась парадным маршем вермахта под сводами Триумфальной арки в Париже. То, чего армия кайзера Вильгельма не смогла добиться за четыре года изнурительной войны, армия ефрейтора Гитлера совершила за пять недель. Теперь оставалось только покончить с запертой на своем острове Британией. Упрямое нежелание Черчилля сдаться на милость победителя так рассмешило нацистского главаря, что в одном из своих публичных выступлений он сравнил британского премьер-министра с петухом, которому уже отрубили голову, а он все еще бежит по двору на слабеющих ножках...

Чувство глубокого удовлетворения демонстрировал и могучий партнер Гитлера. Беседуя 13 июня 1940 года (через день после того, как Париж был объявлен «открытым городом») с послом фашистской Италии А. Россо, глава правительства СССР В. М. Молотов сказал: «После серьезных ударов, полученных Англией и Францией, не только их сила, но и престиж упал, и господство этих стран идет к концу. Следует полагать, что голоса Германии и Италии, а также и Советского Союза будут более слышны, чем хотя бы год тому назад... Англия и Франция, как показывают события, с их старым политическим основанием не выдерживают испытания...»

Увы, с такой оценкой ситуации товарищ Молотов изрядно поспешил. 22 июня (странные шутки отпускает порой история...) 1940 года советский посол в Лондоне И. М. Майский докладывал в Москву: «Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение британского правительства несмотря на капитуляцию Франции продолжать войну находит всеобщую поддержку населения... Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца».

В небесах, затем на море и на земле

Сухопутная армия Германии по всем параметрам (численность личного состава, дивизий, танков) обладала подавляющим превосходством над английскими войсками, развернутыми летом 1940 года на Британских островах. Огромный количественный перевес дополнялся и усиливался несравненно более высоким уровнем боевой подготовки солдат и офицеров вермахта. И если бы полторы сотни немецких дивизий смогли каким-то волшебным образом переместиться через Ла-Манш, то Соединенное Королевство постигло бы неизбежное и скорое поражение: не помогли бы ни «упрямое бешенство», ни «решимость сопротивляться до конца».

Однако Ла-Манш, хотя англичане и называют его «каналом», представляет собой пролив шириной от 35 до 150 км, соединяющий (вместе с Па-де-Кале) Северное море и Атлантику, с настоящей морской волной и частыми штормами. Навести понтонный мост такой протяженности невозможно в принципе. Форсирование Ла-Манша – это морская десантная операция огромного масштаба. Несколько нарушая хронологию событий, напомним, что 6 июня 1944 года

только для высадки первого эшелона войск союзникам пришлось задействовать 864 транспортных судна и 4126 десантных барж; для снабжения первого эшелона на нормандский берег ежедневно доставлялось 17 тысяч тонн грузов (содержимое 850 железнодорожных вагонов того времени).

В июле 1940 года после долгих дискуссий военно-политическое руководство Германии пришло к выводу, что немецкий флот сможет обеспечить переброску и последующее снабжение вермахта на Британских островах, но лишь при выполнении одного обязательного условия – люфтваффе должно завоевать абсолютное господство в воздухе над Ла-Маншем. За столь жестким требованием («абсолютное господство в воздухе») стояло не только понятное желание главкома кригсмарине гросс-адмирала Э. Редера снять с себя ответственность за возможный провал операции, тут был еще и вполне трезвый расчет. Даже той посудине, которая называлась «быстроходная десантная баржа», требовалось несколько часов для того, чтобы пересечь Ла-Манш. И она, в отличие от боевых кораблей, имевших броневые палубы и мощное зенитное вооружение, была совершенно беззащитна перед атакой с воздуха: первое же попадание фугасной авиабомбы могло стать для нее последним.

Таким образом, была определена вполне логичная последовательность действий. На первом этапе операции, в течение двух-трех недель, люфтваффе должно уничтожить самолеты и аэродромы Королевских ВВС на южном побережье Британии; затем в течение 10 дней происходит сосредоточение войск и переправочных средств в портах северной Франции и Бельгии и только после этого – завершающий победный бросок на английскую территорию. Вся операция в целом получила звучное название «Морской лев», предшествующее десанту авиационное наступление – «Атака орла», первый день массированных воздушных ударов – «День орла».

У Гитлера и его генералов были реальные основания для оптимизма. В то время (вторая половина 30-х годов), когда СССР и Германия вели бешеную гонку авиационных вооружений, англичане занимались теоретическими размышлениями и политическими дебатами. В результате к лету 1940 года, даже с учетом тяжелых потерь, понесенных во время французской кампании, люфтваффе по меньшей мере втрое превосходило по численности наличные силы Истребительного командования ВВС Великобритании.

В составе трех привлеченных к операции «Атака орла» воздушных флотов (2-й и 3-й в Нормандии, Бельгии и Голландии, 5-й в Норвегии) числилось: 51 бомбардировочная авиагруппа (полк), 26 истребительных авиагрупп и 9 авиагрупп, оснащенных тяжелыми двухмоторными истребителями Me-110. В начале августа 1940 года на вооружении этих частей в боеготовом состоянии находилось порядка 1300 бомбардировщиков (включая не менее 250 пикирующих Ju-87), 800 одномоторных и 200 двухмоторных истребителей (Bf.109 и Me-110). Стоит отметить, что по всем трем параметрам (число авиагрупп, общее количество самолетов, наличие боеспособных машин) эта группировка превосходила ту, что была развернута утром 22 июня 1941 года у границ СССР. Причем если в июне 41-го на огромном по протяженности Восточном фронте перед люфтваффе поставили множество задач (завоевание превосходства в воздухе, огневая поддержка наземных войск, изоляция ТВД, разрушение транспортной сети в оперативном тылу Красной Армии, дальняя разведка), то в августе 40-го вся ударная мощь немецкой авиации должна была обрушиться на два-три десятка аэродромов, располагавшихся на 300-километровом пятачке юго-восточной Англии.

Истребительное командование британских ВВС могло противопоставить вражеской армаде 49 эскадрилий, в которых к 11 августа 1940 года имелось всего 620 боеготовых самолетов «Харрикейн» и «Спитфайр». При этом лишь меньшая часть эскадрилий (19 из 49) была вооружена «Спитфайрами», не уступавшими по основным ТТХ немецкому «Мессершмитту» Bf.109.

Все познается в сравнении. 22 июня 1941 года в группировке советской истребительной авиации Первого стратегического эшелона (ВВС пяти приграничных округов и двух флотов) насчитывалось более 250 эскадрилий, 3,5 тысячи летчиков и 4 тысячи исправных самолетов-истребителей...

Впрочем, главная проблема для англичан заключалась даже не в количестве самолетов (теоретически оно могло быть относительно быстро увеличено за счет собственного производства или закупок истребителей за рубежом), а в малочисленности летного состава. По самой максимальной оценке, то есть с учетом неопытных выпускников летных училищ, пилотов бомбардировочной и разведывательной авиации, срочно переданных в распоряжение Истребительного командования, на Британских островах к началу битвы насчитывалось порядка 1430 летчиков-истребителей. В руках этой горстки людей оказалась судьба огромного государства.

Всевидящее око

Обеспечить противовоздушную оборону постоянным – с рассвета до заката – патрулированием истребителей в воздухе было невозможно в принципе, в особенности принимая во внимание более чем скромное количество самолетов в британских ВВС. Отражение налета вылетом истребителей по тревоге ставило огромные, на первый взгляд – неразрешимые организационно-технические проблемы.

Лучшим самолетам-истребителям образца 1940 года требовалось 5–6 минут для того, чтобы взлететь и набрать высоту в 5 км. С ростом высоты полета скороподъемность поршневых истребителей падала, и набор высоты в 7–8 км требовал уже 10 и более минут. С другой стороны, крейсерская скорость типичного бомбардировщика той эпохи составляла порядка 100 м/сек. Таким образом, команда на взлет истребителей должна была быть подана как минимум в тот момент, когда вражеские самолеты находятся на расстоянии в 50–60 км от объекта атаки. Но этим объектом в августе 40-го стали аэродромы южного побережья Англии, а в 50 км перед ними (порой и гораздо ближе) была вода, разместить же в водах пролива сотни постов визуального наблюдения и оповещения не представлялось практически возможным.

Перед германскими бомбардировщиками открывался реальный шанс атаковать английские аэродромы внезапно, раньше, чем истребители успеют подняться в воздух. Конечно, командование британских ВВС могло перебазировать авиацию в глубь страны, за пару сотен километров от кромки берега, но с учетом весьма ограниченного радиуса действия истребителей это означало бы отдать без боя небо над Ла-Маншем немцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.